Содержание

Прелюдия 1
Новая командировка 5

Прелюдия 2
Ода пятому подъезду 15

Прелюдия 3
Генеральный директор и долгие проводы . . 25

Глава 1
На трезвую голову 34

Глава 2
Домыслы, домыслы. 46

Глава 3
Война с Ираном 56

Глава 4
Кувейт 72

Глава 5
Кувейтский шопинг 83

Глава 6
Авария. Автородео. Обокрали!! 92

Глава 7
Водка и цирк. 103

Глава 8
Картинки 115

Глава 9
Коллектив и стулья 122

Глава 10
Мозаика 127

Глава 11
Торгпредство 132

Глава 12
Связь 151

Глава 13
«Советская культура» 157

Глава 14
Посол 168

Глава 15
Крутые повороты 178

Эпилог
После Багдада 183

Прелюдия 1

Новая командировка

Летом 2002 года мое американское руководство попросило организовать вечерний прием представительной делегации Конгресса США, участников так называемого IT caucus (по-нашему — комиссии Конгресса по информационным технологиям), заинтересованных в развитии двусторонних американо-российских связей в этой области. Мы пригласили их в популярное у иностранцев кафе «Пушкин» (с ударением на втором слоге, заметьте) и прекрасно провели там вечер, обсуждая перспективы развития технологий в России и вообще ситуацию в экономике, находящейся тогда на явном подъеме.

Конгрессменов было человек десять, плюс несколько представителей Американской торговой палаты, чиновников других ведомств. Я бы никогда не запомнил их имен, если бы не недавний случай — во время расследований в Конгрессе российско-грузинского вооруженного конфликта 2008 года ярко выступил конгрессмен Дейна Рорбахер, причем явно с уклоном обвинительным в сторону Саакашвили, за что я ему мысленно аплодировал. Необычное имя немедленно всплыло в памяти.

— Дейна?! А почему у вас имя такое странное? — спросил я его тогда в кафе «Пушкин». — У нас бы это было женское имя…

— А у нас вот мужское, — ответил г-н Рорбахер и объяснил этимологию, которую я уже, признаться, не помню, что-то национальное, европейских корней.

Через час-два милой беседы о рыночных особенностях России и собственно информационных технологиях в ней, я обмолвился, что знаю арабский, и более того, много лет проработал в Ираке. Новость немедленно распространилась по всему столу, тем, кто не расслышал сразу, тут же ее передали соседи, в общем, через несколько минут тема российского рынка была успешно забыта, и меня буквально обступили люди, наперебой задавая вопросы про Ирак. Напомню, это было еще до начала второй американской кампании, общественность и власти в США еще обсуждали целесообразность ввода войск, просчитывались последствия, и Конгресс не был в стороне.

— А что, Саддам действительно диктатор?

— А есть ли в Ираке оппозиция?

— А как отреагирует Россия на ввод войск?

— А что за народ вообще, готов ли к демократии?

Зачастую наивные, но заинтересованные вопросы, не на все из них я мог и ответить, в силу ограниченности знаний, да и по прошествии стольких лет уже, но тот вечерний допрос с пристрастием живо напомнил мне о времени, проведенном в Багдаде. Не знаю уж, убедил ли я тогда конгрессменов не ввязываться в бесперспективную авантюру, не зная ни внутрииракских сложностей, ни истории страны и религии, вообще ничего по сути не зная о государстве Ирак,

где правит ненавистный им Саддам Хусейн; одно очевидно — голосование в Конгрессе, если оно и было, никак не повлияло на решение администрации о военной операции уже в 2003 году.

Кому скажешь сейчас, что, дескать, в Багдаде жил четыре года, у людей немедленная реакция: «Вот ужас!!!». Багдад сейчас стал именем нарицательным для хаоса, войны, террора, смерти, и во многом это, увы, так.

Но горячей точкой арабского мира, впрочем, Багдад был всегда, даже во времена правления королей и потом режима Саддама, перемежаемых переворотами, революциями, войнами с соседями, с колониалистами... В Ираке есть нефть, много нефти, и этим все сказано.

...Моя багдадская история начиналась в 1982 году, когда мне было объявлено по большому секрету (я тогда работал во внешнеторговом объединении «Разноэкспорт», в отделе конъюнктуры и цен), что в соответствии с только что утвержденным партбюро «Трехлетним планом замены специалистов», в 1985 году мне предстоит «менять» в Багдаде нашего тогдашнего представителя в Ираке Сережу Артамашева. Там вовсю шла война за обладание нефтеносными южными районами между Ираком и Ираном. В обеих странах режимы были те еще демократические — в Ираке правил мечом и кровью Саддам Хусейн, поставивший под ружье все население и создавший мощную сеть спецслужб, контролировавших общество, а в Иране — «режим мулл», как его называли, догматический, нетерпимый к иноверцам и ереси всякой Аятолла Хомейни. И тот, и другой режим стоили друг друга, были исторически

еще очень молоды (два–три года от роду), и до невозможности авантюрны, агрессивны, «круты», как бы сказали сейчас. Объективности ради надо признать, что начал военные действия именно Саддам с захвата какого-то плацдарма в дельте Междуречья, на спорной болотной территории, а потом уж пошло-поехало, и кто прав, кто виноват — не разберешь. Мне предстояло через три года выдвинуться к месту нового назначения, и надежда на то, что безумная бессмысленная война все-таки к тому времени закончится, у меня, если честно, теплилась. Напрасно, как оказалось.

В 1985 году никуда я не поехал, Артамашеву продлили командировку на год, и чемоданы паковать мне предстояло лишь в 1986 году. Арабский язык активно забывался, никакой практики, естественно, не было и быть не могло, выезжал я в краткие служебные командировки только в социалистические страны Восточной Европы, но и тому был несказанно рад, ибо в те годы советская торговля постепенно начинала осваивать модернистские пейзажи с пустыми прилавками, и купить в СССР было решительно нечего, ни в смысле одежды, ни в смысле поесть с толком. Можно было только купить в валютной «Березке», либо «достать» у знакомых, «нужных» людей из магазинов, с оптовых баз, у спекулянтов, или получить немудреные продукты в наборе на работе, за деньги, естественно, или отправляться на рынок, где цены не учитывали уровень зарплат советских граждан уже давно. В общем, крутились.

Альтернативой бесплодному постоянному поиску «нужных» людей были выезды за границу, ведь даже в Польше и Венгрии снабжение было поставлено на порядок лучше, чем в столице нашей Родины, не го-

воря уж о провинции. В одну из своих командировок в Берлин, например, я с ужасом насчитал в магазине 48 сортов сыра (правда, включая плавленый). В СССР был только один продукт под таким названием, и его следовало спрашивать у прилавка именно так: «Сыр есть?». Если сыр был, то и ответ был утвердительный: «Есть». Спрашивать, в продолжение темы: «А какой?», мог только махровый антисоветчик-диссидент или умалишенный (ну, в крайнем случае, иностранец, но они, если мне память не изменяет, по советским магазинам не ходили, у них снабжение было организовано в отдельных «боновых» магазинах и было похоже на привычную им товарно-продуктовую среду).

При командировке в ГДР, к примеру, можно было обменять по официальному курсу 300 рублей на марки ГДР в уполномоченном отделении «Внешторгбанка», и только по направлению. Очередь следовало занимать заранее, чтобы успеть именно в день, предшествующий отъезду, а то вдруг нет валюты или еще что там. По приезду в торгпредстве выдавали небольшие командировочные, так что в сумме получалось рублей 400. В Советском Союзе купить на эти деньги что-либо существенное все равно было нельзя, товары у спекулянтов стоили сотни рублей, обычная сорочка могла стоить 80–100 рублей (иностранная!!! Югославская, например).

Как одеться, чтоб было не стыдно ходить на работу во внешнеторговое учреждение, да и к тому же встречаться на переговорах с иностранными коллегами, — был большой и открытый вопрос, каждый должен был сам найти на него ответ.

Командировки в «соцлагерь» сильно помогали в этом вопросе, на эквивалент 400 рублей в Венгрии

или в Чехословакии можно было прилично одеться самому, привести обновки детям, жене шубу, купить хрустальную (!!!) люстру, да и колбасы несколько сумок вдобавок. Две-три командировки в год решали, в общем, все материальные проблемы с гардеробом, но не с питанием, конечно. Без продуктовых «заказов» на работе, без «доставания» продуктов у «нужных» людей в эпоху развитого социализма было невозможно обойтись, но это тема отдельная, хотя тоже так или иначе связанная с предстоящей иракской эпопеей: от полуголодного, абсурдного, замороченного идеологией и всевозможными ограничениями советского быта люди были готовы бежать, уезжать куда угодно, и Ирак с его полыхающей войной вовсе не казался таким уж отвратительным выходом. Правда, мама моя опять плакала, провожая меня в очередную арабскую ночь…

Напомню, что в 1982 году мир вообще оказался на пороге нового военного столкновения систем — был сбит корейский «Боинг», история до сих пор темная и страшная. Умер Брежнев, вскоре после него Андропов, Черненко… Атмосфера в обществе была устрашающе неопределенной, перспективы жизни и карьерного роста в той системе были, по инерции, все еще связаны с членством в КПСС, о развале СССР никто и не помышлял.

Глоток свежего воздуха был нужен всем, мне в том числе, и более простого выхода, чем длительная командировка в плановый Ирак, несмотря на войну, придумать было нельзя. Несколько лет активной работы в комсомоле дали мне индульгенцию и на вступление в партию (КПСС, естественно, других тогда не было), и на оформление в капиталистическую страну! «Мо-

рально стоек, делу КПСС предан...» и далее по тексту, про смысл и ауру характеристик тогдашнего времени я уже писал.

Перестройка и гласность пришли несколько позже, а тогда...

...В 1985 году в Москве проводился Международный фестиваль молодежи и студентов. Из Москвы были выселены за несколько месяцев до этого все неблагонадежные элементы, автомобильное движение на улицах сократилось до исторического минимума, и вот по какой причине ГАИ получило указание, не мытьем, так катаньем, снимать номера и ставить машины на прикол, дабы гости фестиваля смогли без затруднений добираться до своих гостиниц, ездить на экскурсии, на мероприятия фестиваля. В один из дней я отвозил дочку в детский сад, и угораздило меня встать в переулке в опасной близости к плывущему по Сивцеву Вражку эскорту правительственного «ЗИЛа», гаишник счел мое поведение угрозой безопасности правительственному чиновнику, видно, по канонам советского времени меня нужно было четвертовать немедленно, но он ограничился снятием номеров, что было очень некстати: через день мы планировали уехать на машине от греха подальше в Калининград. К счастью, быстро нашлись знакомые в центральном союзном ГАИ, и через день номера были вновь прикручены к моей боевой оранжевой «копейке». Выдававший их мне назад прапорщик смотрел на меня с нескрываемой классовой ненавистью.

...Уже в дни собственно фестиваля я наблюдал за проездом колонны украшенных флагами разных государств автобусов по Садовому кольцу, из окна своей квартиры на Смоленском бульваре. Прямо под

моими окнами толпились граждане, скорее всего по разнарядке поставленные вдоль Кольца для приветствия гостей. Так было принято тогда, разнарядки на выделение приветствующих приходили и в учебные заведения, и на предприятия, и в учреждения. Не густо, но народ был. Во время проезда автобусов по абсолютно пустому Садовому кольцу (это Зубовская-то площадь!), я вдруг увидел, как один из «приветствующих», тщедушный, провинциального вида мужичок в очках, сделал шаг в сторону колонны и принялся снимать их на фотоаппарат. В долю секунды к нему подлетел невыразительный человек в сером костюме и с размаху ударил в лицо, разбив и очки и фотоаппарат. В следующий момент провинциал-фотограф был скручен парой дюжих молодцев, оказавшихся рядом, которые тут же затолкали его в стоящий неподалеку зашторенный серый автобус. Я не стал смотреть продолжение спектакля, разумно полагая, что лучше на время отойти от окна.

Через несколько минут, когда инцидент был исчерпан, я вновь с интересом высунулся и… случайно задел рукой подушку от кресла, квадратную такую, на которой сидел на подоконнике!!! Подушка мягко упала на тротуар прямо под моими окнами. Я в ужасе наблюдал, как люди в штатском споро раздвинули толпу зевак, удалив их на безопасное расстояние, образовав вокруг моей подушки как бы поляну. Через несколько секунд в мою дверь раздался звонок, ожидать иного я и не мог и понуро открыл дверь, готовясь все объяснить и признать свою вину сразу и безоговорочно.

— Документы! — потребовал человек с порога, по-моему, даже не представившись.

— Пожалуйста, вы уж извините, это моя подушка упала, — забормотал я.

— Следуйте за нами, — сказал человек и я, как был, в тапках, отправился на улицу.

На тротуаре люди с интересом смотрели на меня, мысленно уже, наверное, примеряя на меня как минимум наручники. Субъект в штатском ткнул пальцем в сторону подушки:

— Это ваша подушка?

— Да, моя, конечно, случайно вот упала из окна! — с энтузиазмом подтвердил я. — Обычная подушка, это от кресла моего!

Субъект пнул подушку ногой на предмет террористической опасности, она была вполне себе поролоновой мягкой подушкой и более ничем. Посовещавшись с коллегами пару минут, старший субъект дал мне отрывистую команду:

— Так, быстро, забрал свою подушку и вали отсюда, чтоб я тебя не видел. И окно закрой накрепко.

Ну, на этот счет мне повторять дважды нужды не было, я в тот день и не смотрел больше за фестивальными колоннами, к лешему эту молодежь и их фестиваль. Уф, повезло, несколько больше, чем незадачливому фотографу из толпы встречающих.

Москва, 1985 год, первое лето перестройки. «Сухой закон» еще только начинает свое победное шествие по Стране развитого социализма, цены на нефть уже упали, афганская война оттягивает все больше денег из бюджета, а тут еще Рейган со своими «космическими войнами», ситуация, в общем, аховая. Но через год мне предстояло уезжать в Ирак, к новым карьерным перспективам, и опять — к валютному достатку. Жизнь не казалось совсем уж конченой, Багдад уже

рисовался в воображении лесом своих бесчисленных мечетей, изобилием восточных базаров, и что еще там из сказок «Тысячи и одной ночи»?

Я уже начал оформлять (правильно!!) характеристику, меня записали на обязательные курсы повышения квалификации для совзагранработников, что при Академии внешней торговли, я в очередной раз сдавал анализы, делал какие-то прививки и проходил полное медицинское обследование, все как положено.

Экзамены по арабскому и английскому языкам я сдал еще раньше, это нужно было все равно делать каждые два года для подтверждения права на 20-процентную надбавку к зарплате. К удивлению моему, потребовалась лишь небольшая подготовка по коммерческому арабскому, оба экзамена я сдал на отлично. Язык имеет обыкновение возвращаться из ниоткуда, вроде бы и не говоришь на нем сколько лет, и не читаешь ничего, но если есть хорошая база, то восстановить его не стоит особого труда. Даже сегодня я иногда, попадая в арабские страны, начинаю мало-помалу говорить буквально через несколько дней, а при чтении газеты вообще удивляюсь, откуда я еще помню все эти термины, всю лексику 20 лет спустя? Работает какая-то внутриклеточная память.

А то, что арабский язык мне очень и очень поможет в моей будущей командировке в качестве торгового представителя ряда внешнеторговых объединений — «Разноэкспорт», «Разноимпорт», «Новоэкспорт», «Медэкспорт», даже «Экспортлес» на каком-то этапе, — в этом сомневаться не приходилось.

Прелюдия 2

Ода пятому подъезду

«Пятый этаж» — надменно, но довольно безразлично произнес железный голос лифта, и мы с женой вышли в коридор.

«Говорящий лифт» меня просто потряс, ввел в смятение — зачем? Кому это нужно, чтоб этаж звучал, как остановка в метро? Как-то уж очень все это было необычно, неестественно, за гранью логики, по крайней мере моей... Может быть, в ЦК КПСС (а именно там, в пятом подъезде, что рядом с Ипатьевским переулком, напротив входа на охраняемую территорию других корпусов ЦК) работали столь немощные, столь слабовидящие люди? Да нет, вроде. Может, нужен он был на тот случай, если кто заснул, к примеру, по ходу движения лифта, так звуком сигнал будет подан, дескать, «пятый этаж, извольте бриться!».

Волею судеб я потом буду работать в Управлении делами ЦК именно в этом, пятом подъезде, и этот говорливый лифт будет поднимать меня уже на работу, на мой шестой этаж, и ничуть мне при этом не будет мешать, раздражать, я просто не буду его замечать.

Пятый подъезд... Зашторенные бежевыми занавесками стекла в массивных дубовых дверях, внутри —

неприступный бастион власти, офицер КГБ на входе, проверяющий документы и пропуск, рядом — солдатик со штык-ножом на поясе, муха не пролетит. В фойе — обязательный книжный киоск, где все новинки из так называемой «книжной экспедиции», спецснабжение ЦК и других центральных органов власти, на этажах фантастические буфеты с деликатесами того времени, рыбой, мясом, свежайшими бутербродами, блинами с икрой… и все по смешным искусственным ценам. Когда я уже работал в ЦК, то в виде экскурсии в несостоявшийся коммунизм пригласил отца отобедать в нашем буфете, он долго качал головой, не в силах поверить, что все эти заливные карпы и свежайшие пирожки могут стоить так мало денег… Впрочем, они, наверное, и не стоили, это за счет дотации их держали на номинальном уровне, наверное, неудобно было совсем уж бесплатно все раздавать.

Пятый подъезд… Уже в 1991 году, после провала путча, было как-то не по себе от того, что бастион пал… Нам, сотрудникам аппарата, было предписано прийти для получения трудовых книжек и партбилетов где-то через месяц после запрета деятельности КПСС. К тому моменту волна сжигания партбилетов уже сошла, вроде как и не модно стало, с кем теперь бороться-то, раз уже нет ее, ведущей и направляющей?

Лирическое отступление: меня до сих пор поражает бессмысленность этих публичных сжиганий партбилетов. Смотрите: это ваш собственный партбилет, то есть документ, удостоверяющий вашу принадлежность к преступной и разложившейся организации, так? Теперь вы вдруг решили себя с ней не связывать (теперь уже это просто безопасно). Но, дорогой мой, кто же вас в нее тянул-то, кто же вас уговаривал стать членом

столь ненавистной организации? Или вы это под воздействием гипноза пропаганды, или в бессознательном состоянии? Да нет же, вы, как и все раньше, изучив правила игры на входе во взрослую жизнь, сделали свой выбор: я буду подчиняться партийному идиотизму и ритуалам, но зато я буду расти в карьере, двигаться по социальной лестнице и достигну некоторой степени материального достатка таким вот образом. Это непросто, это требует самоограничения свободы, подавления собственной гордости где-то, это затратно в смысле общественной активности, отнимает уйму времени… Но это осознанный выбор. Мир совершенно не поменялся с тех пор, в любой системе существуют свои правила социальной реализации, и они так же требуют существенных усилий над собой. Протест должен хотя бы иметь внутреннюю логику: например, меня заставили, а вообще-то я против. В вопросах членства в КПСС, насколько я помню, мало кого заставляли. Да, правила были такие: если хочешь преуспеть, вступай, но не хочешь — твое дело, иди ищи другие возможности для применения собственных талантов и сил. Так о чем протест? Об исторической несправедливости, что угораздило родиться в такой своеобразной, не сказать большего, общественно-политической системе? Во многом эти сжигания партбилетов той поры — неумная демонстрация собственной беспомощности, красивый киношный жест, копирующий американские 1960-е, когда люди сжигали призывные повестки (но это были повестки!!! Их принуждали идти на вьетнамскую войну!!). И уж совсем не бесстрашная общественная, гражданская позиция, как это пытаются выставить некоторые мятущиеся товарищи по судьбе. В общем, абсурд, да и только. При этом, на мой взгляд,

коммунистическая идея сама по себе была абсурдна, конечно, симпатий ни у кого не вызывала, и режим был тот еще… Так что массовый «героизм» сжигания партбилетов мне был тогда, да и сейчас, глубоко противен своей лживой, лицемерной сущностью, и свой партбилет я получил тогда и оставил на вечную память о том времени и о себе в нем. Все было именно так, как было, и мне за это не стыдно, к счастью.

В 1991 году, в сентябре, когда я получал на руки свой партбилет, у пятого подъезда на входе встали какие-то ряженые казаки, молодые люди из демократической волны в черной форме, смахивающей на «эсэсовскую», в общем, ужас… «Глобальная геополитическая катастрофа» случилась.

А в 1986-м, в августе, этот подъезд и особенно лифт вводили в состояние транса своей загадочностью, неуловимым тоном превосходства над пассажирами, невидимый дворецкий, бесстрастный и строгий страж цековских этажей и коридоров. В общем, почти что Великий Гудвин из Страны Оз.

Вызов в «инстанцию» не предвещал ничего хорошего. Все анкеты, характеристики были давно отправлены из Министерства внешней торговли, и ожидалось лишь положительное заключение, отмашка на выезд, и чаще всего никаких трудностей прохождение «инстанции», то есть ЦК КПСС и потом КГБ, не вызывало. Если проблемы возникали, то вызов был в ЦК КПСС, но не собственно в КГБ. По устоявшейся процедуре Комитет лишь выполнял проверку, собирал материалы, давал заключения, а собственно решение должен было принимать Аппарат ЦК.

У меня за спиной был Йемен, я уже два года как был активным членом КПСС, неоднократно выезжал в соц-

страны — по всем показателям не должно было быть проблем, включая и жену, ведь она тоже уже побывала в Йемене, то есть человек проверенный, «делу Коммунистической партии преданный», и т. д.

Мы вошли в кабинет к «направленцу», сотруднику, ответственному за арабское направление в советском загранаппарате, то есть ответработнику, как принято было их тогда называть в профессиональной бюрократической партийной среде, мило поздоровались и почти с порога услышали:

— Что же вы, Ирина Григорьевна (это жена) в заблуждение инстанцию вводите, проявляете нечестность в анкете?

— ???? (Ах, ох, слезы, шок от самой постановки вопроса.)

В этот момент я уже мысленно прощался с мечтой о Междуречье, с Багдадом и Басрой вместе взятыми….

— Амис Александр Георгиевич, вам что-нибудь говорит это имя? — продолжал ответработник, с интересом наблюдая за реакцией.

«Говорит, но при чем здесь Саша, он уехал в Америку черт знает когда, и мы же с той поры уже в Йемене интернациональный долг выполняли вполне успешно», — пронеслось у меня в голове. В то время родственник за границей, даже дальний, с которым и связи-то никакой нет и не было, — это было сродни государственной измене. На самом деле на конкретный вопрос в анкете «Есть ли у вас родственники за границей?» следовало перечислить лишь прямых и самых что ни на есть родных родственников, а всех и не предполагалось, так что никакой нечестности, сорри!! И потом, может человек и не знать, есть ли у него богатый дядя в Канаде?! Может.

Конечно, тот факт, что дальний ее родственник по материнской линии, Саша, как и его брат Лева, в середине 1970-х эмигрировали в Америку, воспользовавшись тогдашней «еврейской» прорехой в границе, был нам известен, но мы надеялись, что все предыдущие проверки, коих было не одна, эту тему давно сняли, как и «грех» с пленением моего родителя в 1941 году…

Да и потом, бог мой, мы же живем давно святой жизнью «хомо советикусов», маршируем на парадах, славим КПСС и вообще жуть как лояльны Государству рабочих и крестьян, так при чем здесь двоюродный брат жены? (Это я заочно полемизирую вроде. ☺)

А очень даже при чем, а вдруг у вас контакты через него с вражьим логовом? Вдруг и вы туда, а?

Ну уж если совсем профессионально, так вы и проверяйте, ведь «подозрение оскорбляет»…

О таких материях советская власть не задумывалась, проще всех априори считать под подозрением, чем утруждать себя созданием в стране климата, достойного человека. Климата, из которого не хотелось бы бежать, в моей ситуации — в длительную командировку, а в чьей-нибудь, вполне допускаю, и в настоящую эмиграцию за фантомом новой счастливой жизни… Ох уж, далеко не у всех, как показали дальнейшие события 1980–1990-х годов, она сложилась счастливо, что здесь, что там, но об этом разговор отдельный…

Как сейчас я понимаю, если бы подобная информация вдруг вылезла на свет из недр архивов КГБ лет на пять пораньше, году в 1980-м, — мне бы пришлось надолго забыть вообще о возможных выездах, и не только в капиталистические страны, а даже в Монголию, считавшуюся почти что советской территорией. А если бы это случилось лет на 30 пораньше, то место

своей следующей «командировки» я бы отыскивал в атласе СССР где-нибудь в Мордовии в лучшем случае, там много подходящих объектов… Но на дворе был благословенный 1986 год, «система» помягчела что ли, стала допускать немыслимый ранее либерализм, и за это одно — слава Михаилу Сергеевичу Горбачеву, слава!!! Перестройка forever!

Исторический факт: А ведь еще в далеком 1978 году… Мы познакомились случайно с его дочерью Ириной и зятем Толей в компании у моего старинного школьного друга Бори Болдина, и тогда на лестничной клетке, за сигаретой, все обсуждали, за глаза, конечно, недавний перевод их отца, молодого члена Политбюро М.С. Горбачева, в Москву из Ставрополья, а нам-то что, ну перевели и перевели… Знал бы я тогда, что именно благодаря Ириному папе, то есть Михаилу Сергеевичу, и начатой им перестройке судьба откроет мне зеленый свет и на этот раз! Неисповедимы пути господни…

В общем, пожурил нас ответработник, к сожалению, имени не помню, прямо там, на пятом этаже, заставил написать заявление, что, дескать, мы ни сном ни духом, и контактов никаких, (что было сущей правдой), и за сим просим слезно дать нам шанс осуществлять свой профессиональный внешторговский долг в иракских дальних пределах. Аминь.

Как всегда бывает, у любой бочки меда есть своя ложка дегтя… Безумная антиалкогольная кампания привела к значительному озверению большого количества населения, вынужденного днями простаивать в очередях за водкой, ибо разом забыть генетическую предрасположенность выпивать, скажем, на свадьбах и похоронах, равно как и на праздники, советский народ был не в состоянии, чему и противился… Кампа-

ния послужила стимулом к расцвету доносительства, подсидок, легко стало «скинуть» начальника или конкурента на должность, оповестив партком, скажем, о неподобающем застолье с алкоголем на банкете по случаю защиты диссертации. Это так, для примера, я потом расскажу, какие смешные формы кампания принимала в совзагранколлективах.

Это все немедленно привело к разрастанию коррупции в самих правоохранительных органах, призванных надзирать и блюсти, ибо кому как не милиции открывалась уникальная возможность стричь купоны со вновь образовавшегося запрета. Про дыру в бюджете говорить как-то уже неуместно. «Глобальная геополитическая» во многом была спровоцирована недавно умершим в столетнем возрасте доктором (академиком, по-моему) Угловым, который справедливо считал, что алкоголь вреден в непомерных дозах, и всячески пропагандировал здоровый образ жизни. (Ксерокопии его «секретного доклада» тиражировались в народе якобы полуподпольно для подготовки общества к закручиванию гаек с водкой.) Да кто бы спорил. Но ведь, как и любая проблема, алкоголизация общества не имеет односложного решения, каким бы благим оно ни казалось. Развитие спорта и досуга — это все здорово, но хорошо бы при этом пожрать что-нибудь, говорили граждане, запивая горькой беспросветную свою судьбу, на кухнях или на троих у пивного ларька (которые, кстати, тоже безжалостно тогда выкорчевывались, загонялись в глухое подполье). Если история и учит кого, так это не тогдашнее государственное (читай — партийное) руководство. А то бы непременно вспомнили они годы «сухого закона» в США в начале 1920-х годов и к чему все это привело тогда, даже в капиталистиче-

ском обществе. В общем, власть предержащие хватались за соломинку, а бревно преспокойно плыло себе в глазу, навстречу гибели всей империи в бурных водах экономического и социального водопада.

Положительное решение «инстанции» пришло через пару недель. И на радостях я… то есть мы с другом, Лешей Можаровым, недавно вернувшимся из Италии, из трехлетней командировки, отмечали и решение, и его приезд, в общем, все позитивные в нашей жизни события сразу, и на этот случай решили выпить экзотической «Самбуки», из Италии же только что и привезенной. Если кто не пил никогда, то не рекомендую — самогон, да и только, но тогда настроение у меня было отличное, впереди уже маячил Багдад и Шахерезада в нем.

Естественным было бы поделиться радостью (решение «инстанции»!!) и просто хорошим настроением с друзьями, к которым мы и отправились, прихватив чуть початую «Самбуку»: с вином тогда в Москве, если кто не помнит, было уже напряженно). И надо же было случиться, что на Кутузовском проспекте, прямо напротив гостиницы «Украина» встретился нам наш однокурсник, Леня Шейкин! Радости нашей не было предела, «Самбука» из пластикового пакета была извлечена… и тут подошел наряд милиции.

Напомню, на дворе было лето 1986 года.

Разгар декларируемой «борьбы с пьянством», уже запрещены любые алкогольные застолья в учреждениях, уже гуляют «безалкогольные» свадьбы (на которых коньяк маскируется под чай, впрочем), а уж на улицах городов — ни-ни!!! Ловили, сажали, оформляли протоколы по самому безобидному случаю, в парках, да и просто на улицах — идет поздно вечером или но-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)